

Владимир Святой и Ярослав Мудрый: выбор полюса цивилизационного притяжения

Н.В. Асонов

Свое программное Послание к Федеральному Собранию в декабре 2014 г. Президент России В.В. Путин неслучайно начал с историко-политического аспекта, обратив внимание аудитории на роль Святого князя Владимира, сыгравшего в судьбе нашего государства, пожалуй, самую главную роль. Ведь выбор веры, осуществленный по его инициативе, предопределил весь последующий ход развития России вплоть до наших дней, создав условия для «формирования многоликой, но монолитной русской нации и централизованного Российского государства»¹. Аналогичную мысль изложил в своем Рождественском послании и Патриарх всея Руси Кирилл, отметив, что именно Святому Владимиру мы обязаны созданием «единой семьи православных братских народов исторической Руси»². Поэтому изучение данного явления помогает лучше понять ценностно-целевую составляющую нашего пути развития.

Считается, что после принятия христианства в 988 г. Киевская Русь приступила к созданию относительно единой государственной доктрины, отражающей ее новый статус как христианского государства, но в тоже время подчеркивающей ее независимый характер в отношениях с великими единоверными державами. В связи с этим политика, проводившаяся Ярославом Мудрым, рассматривалась как некое продолжение и развитие широкой социальной модернизации, которую начал Владимир Святой.

Однако, если рассмотреть дошедшие до нас сведения, опираясь на сравнительный метод анализа, то можно заметить важное расхождение в их действиях. Это расхождение позволяет говорить о том, что каждый из князей по-своему видел дальнейший путь развития Руси, ориентируя ее или на Восток, или на Запад христианского мира. Поэтому высказанная В.О. Ключевским и подхваченная некоторыми современными историками мысль о том, что только после Смуты 1603–1618 гг. социально-политическая ориентация власти и общества

¹ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию. Российская газета. 2014. №278 (6550). 5 декабря.

² Кирилл (Гундяев), патриарх. Рождественское послание Патриарха Московского и всея Руси Кирилла архипастырям, пастырям, диаконам, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви. Православная газета. 2015. № 1 (802). Янв.

в нашей стране разделилась на два направления, тяготеющих к Западу и к православному Востоку, не может быть убедительной³.

На самом деле начало данного раскола следует отнести не к XVII в., а к эпохе расцвета Руси, когда ее правители в целях борьбы с народной (языческой) системой социально-политического устройства искали помощи то у Римской империи (Византии), то у Священной Римской империи.

Попробуем в этом контексте рассмотреть политическую деятельность Владимира Святого и Ярослава Мудрого, чтобы определить истоки двух важных государственных доктрин Руси.

Когда Владимир решал главный для народа вопрос о том, к какому из двух направлений христианства примкнуть (тема неприятия иудаизма и мусульманства заслуживает особого разговора), Византия, возглавляемая представителями Македонской династии, уже оправилась от страшных поражений, понесенных ею в VII–IX вв. Но и после этого, укрепив внутренний порядок и расширив границы, она уступала своему главному конкуренту в Европе — восстановленной трудами Саксонской династии Римской империи. В указанный период эта империя управляла обширным геополитическим полем, включающим страны, ориентированные на престол Святого Петра, и охватывающим значительную территорию Европы — от Скандинавии до Италии и от Ирландии до Венгрии. В то же время независимый православный мир, если не считать пришедшего в упадок Западно-Болгарского царства и нескольких мелких княжеств Грузии, съезжился до размеров Византии. Поэтому с точки зрения экономической и геополитической выгоды, способной серьезно усилить позиции Руси на международной арене, предпочтение надо было отдать западному христианству, встав под покровительство римского папы.

Между тем этого не происходит. Владимир Святой принимает сторону Византии и подчиняет свою страну духовной власти вселенского патриарха. Вместе с православием на Русь распространяются основы политической и правовой системы Византии, а значит и ее система ценностей, получившая у нас в XIX в. известность как «византизм».

Произведенное по инициативе князя Владимира «испытание вер» показало духовно-нравственную несостоятельность западного христианства, где римские первосвященники, поправ принцип соборности как один из символов веры, узурпировали всю полноту высшей светской и духовной власти в своих руках. Для оправдания этого действия при папском дворе еще в VIII в. был составлен подложный указ от имени фактического основателя Византии — святого императора Константина. В нем говорилось о том, что он передает римским папам «власть и почет, равные императорским... и главенство над всеми христианскими церквами»⁴.

Кроме того, престол святого Петра, стремясь увеличить число своих «духовных чад», позволил себе опускаться до уровня варварской морали, подстраиваясь под стереотипы и ценности язычников⁵. Неслучайно институт высокой

³ См.: *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9 т. Т. III. М., 1988. С. 246–247.

⁴ Цит. по: *Лозинский С.Г.* История папства. М., 1986. С. 57.

⁵ См.: *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 170–180.

духовности, представленный христианским аскетизмом и широко распространенный в православном мире, не нашел места на Западе. В итоге движение к приоритету материальных ценностей над духовными уже тогда стало важной чертой нарождающейся романо-германской цивилизации. Как писал митрополит Иоанн (Снычев), если для восточных христиан Бог — Иисус Христос, «то у Запада бог совершенно иной, — это князь мира сего, бог наживы и беспредельного эгоизма, бог тщеславия и корысти». Благодаря чему католик «понимает спасение как воздаяние за добрые дела... Спасение “зарабатывается” им путем добродетельного труда и тем самым выкупается собственный грех».

В православии же спасение всегда «осмыслялось как внутреннее перерождение человека, его преображение духовное»⁶. Православный мир стремился «пусть не всегда удачно, приблизить свое делание к церкви, поднять все до ее уровня, уйти в нее, а не отделиться, эмансипироваться и снизить все возвышенное до потребностей обывателя»⁷. Это обстоятельство рассматривалось как составная часть главной работы государственной власти, направленной на спасение душ своих подданных. На щит была поднята классическая формула бытия человеческого: «Если не спасешься сам, то не спасет и Бог». Она должна подчинить религиозным правилам все стороны социального бытия, придав им нравственный характер. Подобная установка на оцерковленность государства, власти и общества отразилась в известной теории: «Свет мирянам — иноки, свет инокам — Ангелы».

Поэтому принимать сторону пусть даже внешне успешного, но удалившегося от высокой духовности Запада, Владимир Святой не стал. Он понял, что путь сближения с романо-германской цивилизацией, возможно, и приведет Русь к материальному обогащению, позволит расширить границы и укрепит ее международное положение, обогатив материально, но не поможет людям достичь высокой духовности, «обожиться» и спасти свои души.

Встав на путь сближения с Византией, этот князь решил ориентировать свой народ на самую духовную церковь, менее всего связанную со страстями земной жизни, представляющей собой «похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую». Понимание правильности сделанного Владимиром выбора породило в русском общественном сознании понятие «Святой Руси» и взгляд на Запад как на «немой» мир (мир немцев), не понимающих и не слышащих язык Бога.

Подобная идеологическая установка князя подтверждается и внешней политикой Руси, стремившейся к дружбе в первую очередь с православными народами и славянством. Встав на этот путь, Русь оказала важное влияние на становление славяно-православной цивилизации. Благодаря династическим связям Владимир Святой породнился не только с царями-болгарами и византийским императорским домом, но и с князьями Польши и Чехии, владения которых частично или полностью входили в состав православной Моравской епископии.

Он же стал первым русским князем, который постарался отгородить свой народ от влияния романо-германской цивилизации. Владимир заметно сокра-

⁶ Дунаев М.М. Православие и русская литература. Ч. 1. М., 1996. С. 5.

⁷ Кирилл (Керн), архимандрит. Антропология св. Григория Паламы. М., 1996. С. 21.

тил контакты со странами Западной Европы и даже был вынужден вступить с ними в вооруженное противоборство, в котором Запад в качестве ударной силы решил использовать Чехию и Польшу, предварительно навязав им западное христианство и выдавив оттуда православие, где оно первоначально утвердилось благодаря святым Кириллу и Мефодию.

Следует отметить, что, борясь за сохранение православия на Руси, князь Владимир даже смог подняться выше любви к сыну Святополку, которому по старшинству отходил киевский стол. Согласно «Хронике» епископа Мерзебургского Титмара, Святополк предательски вошел в тайные сношения с польским королем и с его помощью готовил восстание против отца. Владимир раскрыл заговор и арестовал сына вместе с его женой полячкой и ее духовником, епископом Рейнберном. Несомненно, Запад пытался использовать Святополка для продвижения своего влияния на Русь, но когда планы западных христиан рухнули, они в 1013 г. двинули на Киев польские войска и немецких наемников.

Поскольку сопротивление идеологическому и военному натиску Запада стало частью государственной доктрины Владимира Святого, естественным союзником Руси оказалась Византия. Во-первых, потому, что Русь после крещения стала частью Константинопольской патриархии; во-вторых, императорский дом Византии породнился с домом Рюриковичей, и, как предполагают некоторые исследователи, именно святые князья Борис и Глеб были детьми Владимира от византийской принцессы Анны (болгарки по рождению)⁸. В-третьих, на Руси стали рассматривать борьбу с западной агрессией как священную войну ради сохранения истинного христианства, которое стремились уничтожить его враги в Риме.

Ориентируясь на Византию как на эталон христианского государства, Владимир Святой начал перестраивать прежнюю социально-политическую систему Руси на основе византийского православного права. Поэтому нормативные документы, которые были разработаны в западных странах, оказались отвергнуты, скорее всего, как не отвечающие требованиям христианской государственности. Взамен им на основе византийского права был разработан «Устав св. Владимира». Данный документ был так назван не потому, что князь принимал участие в его разработке, а потому, что в нем была выражена политическая воля (государственная доктрина) Владимира Святого по переустройству Руси в духе православных представлений о государстве и власти.

Эта воля выражалась в согласии князя с византийским принципом «симфонии двух властей», принятым на V Вселенском Соборе в 553 г. и закрепленным во II и III Титулах «Эпанагоги». Они утвердили незыблемость нравственных начал в политике и принцип разделения полномочий между «священством» (духовная власть) и «царством» (светская власть). При этом подчеркивались их взаимный контроль и совместный труд по защите граждан от негативных социальных явлений и по обеспечению возможностей для спасения их душ.

На Руси, как и в Византии, церковные законы получили ту же силу, что и государственные. «Посему преступления против первых не могли быть терпимы в государстве по законам государственным». Наряду с этим закреплялся и

⁸ См.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. М., 1988. С. 195.

принцип соборности, также нашедший свое отражение в византийском праве, запретившем уподоблять монарха Богу и подчеркнувшем неизбежность правила «*vox populi — vox dei*» (глас народа — глас Бога). Это позволило сохранить вече в качестве политического института и затем на его основе создать институт Земских Соборов.

Таким образом, Владимир Святой добровольно отказался от усиления своих властных полномочий, передав их значительную часть церкви. Этим было пресечено на Руси движение высшей светской власти в сторону неограниченной монархии, тогда как Запад уже «заразился» этой болезнью и двинулся от абсолютизации власти римских пап к абсолютизации власти высших светских правителей. Неслучайно в «Уставе» Владимира особо оговаривалось, что он «составлен от первых царей уряжению и по вселенских семи святых зборов великих святитель».

Приняв за истину «уряжения» византийских царей и постановления Вселенских Соборов, Владимир Святой тем самым освободил себя и своих преемников от лишней творческой инициативы по преобразованию власти и общества. Видимо, он справедливо полагал, что стремление любого отдельного лица постулировать свой взгляд на социально-политическую систему как истину в последней инстанции следует считать вызовом соборному решению, принятому наиболее мудрыми и честными Отцами Церкви, да еще к тому же наделенными особой Божьей благодатью для решения подобных дел.

Надо полагать, исходя из подобных соображений, князь Владимир вписал в «Устав» свой наказ как заклинание для всех будущих правителей Руси-России. Его смысл сводился к следующему: «Кто переступит сии правила, якоже есмы правила по святых отец правилом и первых царев управлению ... да будет проклят»⁹. Таким образом, любая власть в нашей стране, которая уводила или уводит Русь-Россию от православной организации управления в сторону иной управленческой модели, должна считаться православными людьми «проклятой».

Смерть Владимира Святого в 1015 г. показала, что на Руси помимо восточной (православной) ориентации во властных кругах весьма сильные позиции занимают сторонники активного сближения с Западом. Святополк, выйдя из заточения и сев на княжеский стол, снова сблизился с западными христианами, в первую очередь с Польшей и Венгрией. По тому же пути пошел и Ярослав Мудрый. Его главными союзниками стали Священная Римская империя и Скандинавские страны. Никто из этих братьев не ориентировал себя на дружбу с Византией с ее высокой духовной культурой. Поэтому нравственная планка их политического поведения была весьма низкой. Они не гнушались ради достижения своих политических целей наводить на Русь иностранные полки, отдавать земли своей страны мнимым союзникам и жертвовать благополучием собственного народа¹⁰.

⁹ Алексей (Николин) *свящ.* Церковь и государство. М., 1997. С. 34; Устав св. Владимира // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 1. М., 1984.

¹⁰ См.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. М., 1988. С. 202–203.

Оппозицию Святополку и Ярославу составили Борис и Глеб. В этой борьбе, как известно, верх одержал Ярослав, но единоличным правителем он стал только в 1036 г. Прямым следствием его прозападной политики стала война с Византией. В 1043 г. он послал в поход на Константинополь любимого сына Владимира. В 1046 г. война закончилась поражением Ярослава и подписанием мирного договора. Его условия нам неизвестны. Возможно, Византия, воспользовавшись победой, постаралась восстановить свое утраченное значение на Руси. Неслучайно под влияние Византии попал пятый сын Ярослава — Всеволод. Его женили на дочери византийского императора Константина Мономаха. От этого брака в 1053 г. родится Владимир Мономах. Приняв вслед за отцом государственную доктрину Владимира Святого, он окончательно развернет Русь в сторону православного Востока. Не зря в русском народном творчестве образы двух Владимиров сольются и станут как бы одним лицом по-настоящему мудрого и боголюбивого правителя.

Ярослав же не стал ограничиваться военными действиями против Византии. В 1051 г. он, в нарушение 28-го правила IV Вселенского Собора, давшего Вселенскому патриарху право рукополагать митрополитов для «иноплеменных народов, получивших оседлость в Азиатской, Понтийской (к северу от Черного моря) и Фракийской областях»¹¹, самовольно собрав верных себе князей церкви, поставил епископа в Новгород и митрополита на Русь. Этим был нанесен первый серьезный удар по авторитету византийской духовной власти на Руси, а сама духовная власть у нас в первый раз попала в зависимое положение от главы государства.

Обратим внимание на то, что агрессивная политика Ярослава Мудрого в отношении Византии и «греческой церкви» проводилась как раз в канун окончательного разрыва между католической и православной церковью в 1054 г. В эти годы Византия напрягала все силы в борьбе со скандинавами (норманнами). Скандинавы, приняв католичество, при поддержке римского папы старались отнять у Византии ее православные провинции на юге Италии и в Сицилии, которые она держала под своим контролем с VI в. Одновременно на Востоке Византия вела изнурительную борьбу с арабами.

Следовательно, проводя свою политику, Ярослав думал не о сближении, а о разобщении с Византией. Отталкиваясь от ее берега — берега ее духовной и политической культуры — он должен был направить «русский корабль» к иному берегу — к Западу. Такой поворот способствовал усилению западной политической доктрины, идущей от римского папы и направленной на абсолютизацию высшей власти. Ведь в религиозном плане наша церковь делала только первые шаги и в организационно-идеологическом отношении была еще крайне слаба, чтобы стать, подобно армянской церкви, независимой от старых духовных центров.

Многочисленные брачные союзы Ярослава служат тому убедительным подтверждением. Сам он был женат на дочери шведского короля. Его дети породнились с королевскими и княжескими домами Франции, Норвегии, Венгрии, Польши и Германии. Для Ярослава Мудрого, как и для Петра Великого, православные династии не представляли интереса. Западный дух меркантилизма,

¹¹ Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. II. М., 1995. С. 111–129.

приоритета материальных ценностей над духовными стал основой проводимой ими в жизнь государственной доктрины. И неслучайно, что Петр, подобно Ярославу, тяготел к абсолютизации своей власти: благодаря Петру I неограниченная монархия почти на триста лет утвердится в России. Ярослав, благодаря проводимой им политике, получит прозвище «самовластец»¹². «Мудрым» он станет позже, когда определенным силам понадобится оправдать его преобразования.

В связи с этим важно видеть принципиальное различие между такими терминами как «самовластец» и «самодержец». На первый взгляд может показаться, что это близкие по смыслу слова. В действительности разница между ними определяется понятиями «владеть» и «держать». В первом случае подразумевается широкое единоличное правление. Оно позволяет главе государства самому определять характер политической системы, ибо он сам есть персонифицированное воплощение закона и власти. Во втором случае держание носит условный договорной характер (дать поддержать). Страна дается в держание конкретному лицу, дается на определенных условиях, ограничивающих его законодательную инициативу и его власть, которые оно обязано соблюдать. Неслучайно термин «самодержавие» оказался связанным с институтом соборности и принципом «симфонии» духовной и светской власти, не допускавшей их абсолютизации.

О тяготении Ярослава к Западу свидетельствуют изображения на монетах и печатях того времени. Если Владимир изображен в облачениях главы светской власти, утвержденных византийскими правилами — с короной, увенчанной крестом, в подвесках и с бородой, как того требовал православный этикет, то Ярослав выглядел совсем иначе. На его голове возвышался варварский конический шлем франко-норманского типа, а лицо вместо бороды украшали пышные усы, торчащие в разные стороны, подобно тем, которые носил Карл Великий.

В заключение отметим, что нормативная составляющая новой государственной доктрины, претворяемой в жизнь Ярославом Мудрым, также отличалась от той, которая была принята Владимиром Святым. Если «Устав» ориентировал власть на систему ценностей православной государственности, утвержденную на первых Вселенских Соборах, проходивших с IV по IX в., то «Русская Правда» такой привязки не имела. Она представляла собой договор между социально-политическими силами, представленными скандинавскими наемниками, составлявшими военную опору Ярослава Мудрого, и жителями Руси. Здесь, в отличие от «Устава», бросается в глаза ослабление нравственных начал в регламентации социальных сфер. «Правда» как бы подстраивается под господствующие на севере Руси языческие традиции. В противном случае она не относилась бы так мирно к обычаям кровной мести и наличию института рабства¹³. Именно эта особенность — опускаться до уровня язычества — отличала так называемые варварские Правды, созданные в эпоху раннего Средневековья на Западе.

¹² ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. С. 150.

¹³ Русская Правда // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 1. М., 1984. Ст. 1, 11, 17.

Как писал в XIII в. безымянный автор в «Слове о погибели русской земли», именно с Ярослава началась та «болезнь крестьяном [христианам]» на Руси¹⁴. Эта «болезнь» носила духовный характер и мешала многим носителям власти жить в полной мере православной жизнью, требующей «не иметь разных масштабов морали, а, употребляя одну для всех меру, ... быть монахом или аскетом в сердце своем»¹⁵.

Приведенные доводы позволяют утверждать, что деятельность Владимира Святого и Ярослава Мудрого сделала их основателями двух противоположных государственных доктрин. Эти доктрины на протяжении всей истории Киевской Руси и тех стран, которые вышли из ее лоно, влияли на ориентацию власти то в пользу духовно богатого православного Востока, то в пользу материально успешного Запада.

Неслучайно у тех представителей современной российской власти, кто объявил себя православными, но решил вслед за Ярославом Мудрым плыть в русле нового идейного направления романо-германской цивилизации, темпы материального обогащения оказались прямо противоположны их духовному росту. Подобные диспропорции ведут Россию и ее народ к гибели.

Список используемых источников

1. *Алексей (Николин) свящ.* Церковь и государство. М., 1997.
2. *Булгаков С.Н.* Мистика и этика православия // Жизнь и житие Сергия Радонежского. М., 1996.
3. *Дунаев М.М.* Православие и русская литература. Ч. 1. М., 1996.
4. *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. М., 1987
5. *Кирилл (Гундяев), патриарх.* Рождественское послание Патриарха Московского и всея Руси Кирилла архипастырям, пастырям, диаконам, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви / Православная газета. 2015. № 1 (802). Янв.
6. *Кирилл (Керн), архимандрит.* Антропология св. Григория Паламы. М., 1996.
7. *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9 т. Т. III. М., 1988.
8. *Лозинский С.Г.* История папства. М., 1986.
9. *Макарий (Булгаков), митрополит.* История Русской Церкви. Кн. II. М., 1995.
10. *Полное собрание русских летописей.* Т. 1. М., 1997.
11. *Путин В.В.* Послание Федеральному Собранию / Российская газета. 5 декабря 2014 г. № 278 (6550).
12. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 1. М., 1984.
13. *Слово о погибели русской земли* // Изборник. М., 1966.
14. *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. I. М., 1988.

¹⁴ Слово о погибели русской земли // Изборник. М.: 1966. С. 326.

¹⁵ *Булгаков С.Н.* Мистика и этика православия // Жизнь и житие Сергия Радонежского. М.: 1996. С. 295.